Виноградов Николай Иванович

Война глазами моего прадедушки

(автор - Крючкова Александра)

Я никогда не видела моего прадедушку, но благодаря его рукописи, которую он оставил нам, своим потомкам, и в которой описал день за днем свою военную молодость, я знаю о тех событиях, которые происходили с ним в годы Великой Отечественной войны.

Мой прадедушка, Виноградов Николай Иванович (1923 г. – 1986 г.) в 1941 году жил в городе Ленинграде и работал слесарем на Кировском заводе. Вот как он описывает первые дни войны в своих воспоминаниях:

«22 июня 1941 года было воскресенье. Погода стояла солнечная, теплая, и я решил съездить в Стрельну отдохнуть. Надел свой лучший костюм и на трамвае отправился к Варшавскому вокзалу. Не доезжая Невы, люди в трамвае заволновались и стали выходить. Кто-то сказал, что в 12 часов будут передавать важное правительственное заявление. Я тоже выскочил из трамвая и подошел к большой группе людей, стоящих у громкоговорителя на столбе. Люди волновались, чувствовалось напряжение. Радио передавало музыку. Горожане не знали, что утром фашистские самолеты пытались прорваться к Ленинграду и разбомбить его, но были отогнаны нашими истребителями.

Ровно в 12 часов по радио выступил Министр иностранных дел В. Молотов, который сообщил, что фашистская Германия без объявления войны напала на нашу Родину и что по всей западной границе идут боевые действия. Люди расходились молча, каждый понимал, что это для нас большое испытание. Все чаще на пути стали попадаться трамваи с только что призванными красноармейцами, видимо, призыв в армию начался еще до выступления Молотова.

Какой тут отдых, я повернул и пошел домой пешком. В квартире также стоял переполох, правда, в армию еще никого не призвали, но все сидели у радиоприемника и пытались узнать, как развиваются события на фронте. По радио больше передавали музыку и редкие сообщения о стойкости и мужестве красноармейцев по защите границ.

В понедельник, придя на работу, я узнал, что наш завод переведен на 12-часовой рабочий день, и я должен работать в ночную смену. Требования возросли: если раньше за опоздание на работу судили и присуждали вычеты из зарплаты до 20% в течение трех или шести месяцев, то теперь за опоздание можно было получить более строгое наказание.

Повысился контроль за проходом на завод, паспорта у нас были отобраны, а вместо них выданы удостоверения, которые мы сдавали в проходной, получая пропуск только в свой цех. Опоздавших свыше 20-ти минут на завод не пускали, поэтому, когда как-то раз я проспал, то от дома до завода бежал что есть духу, обгоняя трамвай.

С непривычки работать по двенадцать часов было трудно. В обеденный перерыв (а такой существовал и в ночную смену) мы выходили во двор, небо было чистое, звездное и ничего не напоминало о войне.

Но вот эхо войны докатилось и до нас. Стало трудно добираться до работы, ибо по пути загоняли по 2-3 раза в убежище, так как объявлялась воздушная тревога. На заводе, несмотря на тревоги, мы продолжали работать и только 1 раз за все время нам предложили пройти в убежище.

Бомбежки Ленинграда стали частые, и первые бомбы попали в зоосад, убив слона и других зверей. В то же время от бомбежки загорелись американские горки, и я наблюдал этот пожар, идя на работу.

После работы мы, молодежь (а в цехе набралось нас человек десять), шли на занятия: учились, как пользоваться противогазами, оказывать первую помощь, делать перевязки, сдавали нормативы на значок ПВХО.

В первые дни войны введены были продуктовые карточки на мясо, масло и другие ценные пищевые продукты. Но в столовой и магазине можно было купить и другие продукты, без карточек. И мы, молодежь, не знали, что надо выкупать по карточкам все продукты, делать запасы, потому что считали: получаемого по карточкам вполне хватает.

А тревоги и бомбежки становились все чаще и чаще, иногда по двадцать раз в день, над городом разносился дым от пожаров.

В конце августа 1941 года нас, молодежь, собрали у начальника цеха и объявили, что мы выезжаем рыть окопы. Собрав немудреное хозяйство, всей группой мы выехали в район п. Горелово. Там была уже масса людей, организацией этой работы занимались офицеры. Нас распределили по объектам и дали суточное задание, не выполнив которого, никто не мог уйти с работы. Грунт попался очень тяжелый, каменистый, его можно было подцепить только после обработки мотыгой. Ребятам достались мотыги, а женщины за нами выбрасывали землю. Погода была теплая, хотя мы здорово и уставали, но не унывали. Мы получали суп в столовой и пайку хлеба, а притом еще ездили в Ленинград и отоваривали свои продуктовые карточки; покупали селедку, кильку, а картошку копали в колхозном поле, так что питались хорошо. Спали на полу в хате, деленной для нас. Хозяйка попалась хорошая, готовила для нас «доппаек» - картошку. Немец нас почти не тревожил.

Ходили всякие слухи, но все они сводились к одному: немцы наступают и приближаются к Ленинграду.

Однажды утром мы впервые близко увидели фашистские самолеты. Было их штук двадцать, они подлетели к аэродрому, который находился невдалеке, выстроились и образовали кольцо, начали пикировать на наши самолеты, которые, поднимаясь в воздух на бреющем полете, улетали прочь. Мы смотрели и возмущались, почему же они не вступают в бой, а удирают. Но уже позже, будучи в армии, я узнал, что это были наши штурмовики, они не могли вступить в бой с бомбардировщиками, а истребителей в это время не оказалось. Поэтому фашисты спокойно отбомбились и полетели обратно, нас не тронули, хотя и видели, как на оборонных работах работали тысячи людей.

Женщины потом говорили, что находили немецкие листовки, в которых было написано: «Ленинградские дамочки, не копайте ямочки, пройдут наши таночки, заровняют ваши ямочки».

Но наши ямочки пригодились, и взять их немцам не удалось.

С питанием стало хуже, солдаты копали картошку и все поля взяли под охрану. Но нас остановить не могло ничего, мы делали набеги на эти поля и, пока нас выгоняли пинками с поля, мы могли подцепить несколько картофелин и спрятать их в холщевки, карман, кто куда смог.

Но вот внезапно нас отозвали на завод, там, оказывается, уже полным ходом шла эвакуация, проводился демонтаж оборудования, все грузилось на машины и вагоны, которые шли в город Уфа. Первые поезда уже ушли и нас заставили грузить оставшееся оборудование и готовиться самим к эвакуации.

На заводе было создано народное ополчение, которое неотрывно находилось на работе, там и спали, там и работали, там занимались военной подготовкой.

Ряды ребят наших стали редеть, часть уехала вместе с родителями, через неделю планировалось, что должны были выехать и мы. Но вдруг пришло сообщение, что фашисты взяли Мгу, часть эшелонов вернулась, не сумев проскочить. Нас, группу человек десять, срочно направили на Бадаевские склады разгружать вернувшееся оборудование.

На другой день мы прибыли к этим складам и увидели груды развалин, черные горы обгоревшего сахара, реки черной патоки из сахара. Картина была потрясающая, все это дымилось, запах стоял неимоверный.

Теперь нам было не до работы; мы палками разгребали обгоревший сахар и докапывались до хорошего, правда, пожелтевшего и теплого, но вроде съедобного.

Нашли и вагоны с оборудованием и увидели, что вагоны и ящики с очень дорогостоящим измерительным инструментом погорели и пришли в негодность. Желания копаться в сгоревшем мусоре отпало, лучше побродить по складу и найти что-либо вкусное. Напробовались мы всего, вплоть до черного перца, который спутали с горохом.

Но с обеда над нами нависла опасность – охрана увидела, что делом мы не занимаемся и стала нас вылавливать и удалять со склада.

После того, как сгорели Бадаевские склады, резко сократились нормы выдачи продуктов. Хлеба для рабочих стали давать по 150 грамм, да и то наполовину из жмыхов, служащие и иждивенцы получали и того меньше – по 125 грамм. По карточкам полагалось и 500 г крупы, 150 г ирисок, сделанных из сгоревшего сахара, но их достать было очень трудно, отоваривались они не полностью, поэтому стояли большие очереди. А мне стоять в очереди было некогда. После 12 часов работы надо было еще протопить в комнате, а на большее сил не хватало.

Правда, в столовой за порцию супа вырезали 25 г крупы, так что она почти полностью уходила.

Отключили электричество, замерз водопровод, начался голод, остановился общественный транспорт, зато привычными стали бомбежки и артиллерийские обстрелы. Наступили трудные дни.

Кто не успел эвакуироваться с заводом, собрали оставшееся оборудование, станки и налаживали производство.

Нашу группу, а осталось человек восемь, поселили в красному уголке цеха, где были поставлены койки. День мы работали, а ночью по тревоге бежали на крышу цеха и дежурили, чтобы при сбрасывании зажигательных бомб сваливать их с крыши, а там женщины должны были их тушить.

Трудное, но романтичное было время, после работы мы всей компанией забирались на крышу через слуховое окно, усаживались рядком и наблюдали за городом. Было все видно: как прожектора ловят вражеские самолеты, как зенитки обстреливают их, и было большой радостью, когда видели, как вражеский самолет, задымив, падал на землю. Видели зарево пожаров. Возмущались, когда, при налете вражеской авиации, откуда-то из подворотен то там, то тут вражеские лазутчики начинали стрелять ракетами, указывая оборонные объекты, которые должны бомбить фашисты.

Как-то днем воздух сотрясал гул, облака колыхались, как женские платки, а позже мы услышали, что это тяжелая артиллерия Кронштадта стреляла через город, помогая нашим войскам отбить атаки фашистов.

Несмотря на голод, работа в цеху не прекращалась, теперь я точил не матрицу, а снаряды. Особенно тяжело было в ночную смену, усталость и сон валили с ног, в цеху было просторно, почти все оборудование было вывезено, но у батареи сохранился слесарный стол и, воспользовавшись отсутствием мастера Василия Ивановича, я заглядывал за этот стол, ложился и тут же засыпал. Но недремлющее око Василия Ивановича появлялось вновь и, как провинившегося щенка, схватив за воротник, он вновь тащил меня к станку.

Наша команда распадалась на глазах: то один уехал, то другой не вышел на работу. Осталось нас в сентябре 1941 года только трое: два только что переведенных украинца, прибывшие из ПТУ (фамилии их не помню), которые часто поговаривали о возвращении на родину Украину, утверждая, что стоит перейти линию фронта, а там добраться домой не составит труда. Я их, как мог, отговаривал, мне было гораздо ближе к родным местам и там не было немцев, но я не помышлял бросить производство и самовольно отправиться к родным в деревню.

Но однажды они не вышли на работу, а через два дня их доставили солдаты в цех; они были задержаны на линии фронта. А через неделю они пропали вновь и больше не возвратились, не знаю, удалось ли им перейти линию фронта и добраться до родных мест, или они погибли.

Дежурства наши прекратились, я не знал, после нас дежурил кто, или нет, но из группы остался я один. Домой стало ходить все труднее и труднее. Идя с завода, я заходил в булочную, покупал свою пайку 150 грамм хлеба, клал ее в потайной карман пальто, подпоясывался ремнем и отправлялся домой. Преодолевая соблазн съесть весь хлеб, я отрывал крошку хлеба, клал его в рот, шел и сосал. Через несколько минут ничего во рту не было и вновь возникало непреодолимое желание пососать хлебца. Вновь преодолевая все трудности, я лез под ремень, добирался до кармана, отрывал щепотку хлеба и совал в рот. И так, пока я шел до дома, карман пустел.

В комнате было холодно, надо было раздобыть дров и растопить печь. Кипятил воду и до отвала напивался горячей водой.

В начале зимы в квартире жили почти все жильцы, кроме Анны Ивановны и Дуси, которые с ребятами уехали из Ленинграда еще до войны. Муж Анны Алексей приносил с работы овес, который жарили на сковородке, а затем

промывали в кофейнице, и из полученной муки пекли оладьи. Работа была трудная, и тогда приглашали меня. За стакан протертого овса я целуй вечер крушил кофемолку, но как ни тяжело, но я был доволен заработанным овсом. Я парил его в кипятке и наедался почти досыта по тем временам.

Но это длилось недолго. Эвакуировались почти все. Остались мы с Иваном Степановичем, который работал на заводе «Большевик», и месяцами не приходил домой, а ночевал у родственников, где-то поблизости от завода. Володя (младший брат Ивана Степановича, погиб в годы блокады) был в ополчении и также редко появлялся дома. Фактически хозяином всей квартиры оставался я один. Как-то наш район подвергся сильной бомбежке, три бомбы упали во двор нашего дома, все стекла в квартире были выбиты. Хорошо, в дровяном сарае еще сохранились доски, оба окна я забил досками с двух сторон, а промежутки засыпал гарью, оставив одну форточку. В комнате стало темно, но можно было затопить печь и согреться.

Голод усиливался, уже не вызывало удивления, когда впереди идущий человек падал и не мог подняться. Подходили прохожие, пытаясь поднять его, но чаще всего этого не требовалось, так как он уже был мертв. На улице чаще стали появляться люди с санками, отвозившие мертвецов на Смоленское кладбище, где их складывали в груды. Затем и это прекратилось, мертвецов стали выносить на лестницу, если было кому, и там оставляли. В других квартирах они оставались в комнатах. Было холодно и трупы не мешали людям жить и дожидаться свой участи, каждый из них не знал: встанет ли он завтра или нет.

Появились отряды девушек сандружиниц, которые обходили квартиры, собирали трупы, складывали их в автомашины и увозили. Захоронение трупов было проведено весной 1942 года в братские могилы, чтобы не допустить эпидемии.

Как-то Иван Степанович принес плитку столярного клея, мы разделили его на три части и наварили холодца - застывшая вода пахла копытами и горелой шерстью, но, поев ее, испытываешь какое-то насыщение. В другой раз его брат Дмитрий принес кусок «сала» - белой массы, я его наелся, потом два дня меня рвало, выворачивая всего наизнанку. Но «сала» было жалко, я подобрал его с пола, ибо другого продукта, кроме «сала» и воды на полу не было, и решил сделать яичницу, ибо у меня нашлась небольшая порция яичного порошка. Растворил я его пожиже в воде, положил туда сало и сунул в печь, но вот беда: не прошло и несколько минут, «сало» мое вспыхнуло на сковородке, я пытался тушить, но ничего не помогло, так и пропала моя яичница. Очень горевал, но что поделаешь, не надо было жадничать. Уж очень не хотелось выбрасывать такое «сало».

На работе тоже стали редеть наши ряды, вот не пришел на работу наш мастер Василий Иванович. Вот больше не встал с кровати, которая находилась в цехе, наш лучший рабочий Максимов, который делал пять норм в сутки. Но, несмотря на очень тяжелые условия, работа не прекращалась. Боевой дух был высок, никто не ныл, никто не жаловался, разговор шел только о том, что если немцы прорвутся в Ленинград, где взять оружие, чтоб выйти на баррикады, ибо уже на Васильевском острове все улицы, выходившие к взморью, были перегорожены ограждениями на случай отражения высадки десанта.

Что характерно, даже женщины, голодные и немощные, стоя в очереди за очередной порцией крупы, вели разговор, что если немцы войдут в Ленинград, они их будут из окон поливать кипятком. Таким высоким был боевой дух ленинградцев в годы блокады.

Уже после войны шло много разговоров о том, что якобы в дни блокады кто-то ел человеческое мясо, но я не верю в это. В дни блокады я видел много мертвецов, но никаких признаков, что кто-то пытался вырезать часть тела, мне не приходилось наблюдать. Я считаю, что говорят об этом люди, которые не видели и не работали вместе с блокадниками. Они трудились самоотверженно, из последних сил, а если их не хватало, то и умирали тихо, безропотно.

Я очень горжусь тем, что в тяжелые годы блокады был с такими людьми. Их осталось очень мало и очень обидно становится тогда, когда люди, не пережившие все эти ужасы, воспринимают блокаду, как незначительное событие. А ведь это блокадники выстояли и не сдали город Ленинград, и только благодаря им мы можем сейчас мирно жить и наслаждаться красотами Ленинграда. Трудно даже представить, что было бы с Ленинградом, если бы он не устоял. Ведь Гитлер распорядился сравнять город с землей и залить водой, вдумайтесь в это!

Подошел 1942 год. По радио объявили, что повышена норма хлеба до 350 грамм.

Как-то, идя по улице, я прочитал объявление о том, что все граждане призывного возраста должны явиться в райвоенкомат. В том числе значился и мой 1923-ий год. Я сразу же пошел в Свердловский райвоенкомат и немедленно получил повестку о призыве в Красную Армию.

С веселым настроением отправился на работу, показал повестку начальнику цеха. Тот схватился за голову - последнего токаря забирают (я точил самые тонкие и мелкие детали для взрывателей). Он стал куда-то звонить и заявил, чтоб я приступал к работе, а в армию не пойдешь, отдай повестку, остальное мы сделаем. Но я давно ждал этого часа, стоял на своем, заявляя, что если не отпустят по-хорошему - убегу сам, добровольно, никто меня не задержит. Я чувствовал, что силы на исходе. Хотя и хлеба добавляли, и начальник цеха обещал организовать дополнительное питание - стакан киселя, но я стоял на своем.

С повесткой меня направили в военно-учетное бюро – там состоялся крутой разговор с начальником бюро: завод военный, выпускает нужную для фронта продукцию, и ему дано право оставлять за собой необходимых специалистов. Но я, как вспомню, что сейчас надо снова идти в нетопленную квартиру и одиноко коротать в темноте свободное от работы время, - мороз пробегал по коже. И я стоял на своем: иду в Красную Армию, законно или незаконно.

Видимо, моя настойчивость подействовала, начальник наложил резолюцию, чтобы меня рассчитали. По расчетной повестке в магазине мне выдали хлеб на 4 дня и 500 г кровяной колбасы. Быстро добрался домой, собрал сумку и пошел в военкомат узнать о сроках отправки. Отправка была назначена на 12 часов 7 января 1942 года. Сдал паспорт, получил квитанцию и отправился домой. Дома обнаружил, что сумку мою потрепали, и колбасы в ней нет, нет и половины хлеба. Я набросился на Ивана Степановича с бранью, обвиняя его в воровстве, но тот все отрицал, он плохо себя чувствовал и третий день лежал в кровати. Только сказал, что в мое отсутствие приходил брат Владимир и, видимо, забрал мои продукты. Как бы там не было, неизвестно, кто из них взял мои продукты, но я вновь оказался на голодном пайке. Только быстрая отправка в Красную Армию позволила мне преодолеть эти невзгоды, выстоять и не свалиться.

В 12 часов 7-го января 1942 года я явился в Свердловский райвоенкомат города и был призван в Красную Армию. Нас собралось всего четыре человека –

видимо, не густо было в Ленинграде призывной молодежи, если со всего района собрали 4-х человек. Одного из нас назначили старшим, и мы пешком отправились через город в Московские казармы у Финляндского вокзала. Шел я в валенках, задники которых были проношены и портянки систематически выскакивали из них, и на ходу их приходилось поправлять.

Наконец, добрались. Приняли нас быстро и сразу же зачислили в маршевую роту (так назывались роты, подлежащие немедленной отправке на фронт). Людей в казарме было немного, раздевшись, мы легли отдыхать на голых нарах.

Но не успели мы обогреться, раздалась команда «На построение», во дворе нас собралось уже человек двести. Зачитывают приказ: оказалось, поймали каких-то дезертиров, и военный трибунал приговорил их к расстрелу. Вывели трех человек, поставили их к стенке, раздались выстрелы - люди падают, команда «Кругом» - и нас вновь направляют в казарму.

Большого впечатления этот расстрел на меня не произвел - то ли я уже насмотрелся на мертвецов, то ли голод не давал проявить эмоции. Хотелось в тепло и поесть, больше ничего не хотелось ни делать, ни думать.

На следующий день прибыло пополнение и в нашей роте набралось человек 150. Перед нами выступал какой-то знаменитый снайпер, призывал бить фашистов, а мы и не отказывались, но уж очень хотелось есть, а думать ни о чем не хотелось, наступила какая-то апатия. Был он одет в добротную шубу, валенки, вид у него был бравый, ну, а нас одели в ботинки с обмотками, дали ватники стеганые, без шинели, нам не хватило и перчаток, а свои мы сдали в бане.

Спустя несколько дней мы прибыли в лес и расположились в землянке, где должны были проходить военную подготовку. Вскоре нам вручили винтовки, и мы приступили к их изучению.

Я уже был знаком с более сложной техникой, и быстро научился, как разбирать и собирать винтовку, как чистить и холить, чтобы она не подвела. А через два дня нас вывели на стрельбище. Хотя я ранее никогда не стрелял, но выполнил сразу все упражнения на «отлично» и заработал отпуск в землянку для обогрева. Другие, которым не удалось поразить мишень, продолжили стрелять – учиться.

Занятия с нами проводили в основном младшие командиры, но они особого старания не проявляли и чаще всего, если что-то не получалось, мы обращались к бывалым солдатам, которые охотно делились всем, что знали сами: они-то понимали, что завтра надо будет идти в бой, и хотели, чтобы рядом был хорошо подготовленный боец и надежный товарищ, который в трудную минуту всегда придет на помощь.

Офицеры появлялись и проводили занятия редко, а если и проводили, то подолгу заставляли ползать по-пластунски (а мы были без перчаток), чем вызывали недовольство солдат, но они не особенно обращали внимание на это, ведь им с нами не воевать. Они вели затем маршевые роты на фронт, сдавали их войсковым офицерам в штабах дивизии и вновь возвращались в запасные полки за формированием новых рот.

Паек продовольственный в армии был больше, чем на гражданке: здесь давали хлеба 400 г, сахара 25 г и два раза в день - горячую пищу. За хлебом ходили в сопровождении офицера или сержанта, получая паек на роту. Бывало,

что кто-то их них стремился припрятать кусок сахару или хлеба, но за этим зорко следили голодные глаза солдата и на этой почве зачастую устраивались громкие скандалы.

Хлеб и сахар делили на пайки, по количеству людей. Один из солдат вставал спиной к хлебу, другой указывал на пайку и кричал: «Кому?». Назвав фамилию, солдат брал свою пайку без нареканий, какая досталась. Получив поек хлеба, мы с котелками отправлялись в столовую за супом и кашей. Зачастую суп был очень жидок, поэтому кашу клали в суп и так ели.

Через неделю нас построили на строевой смотр. Стоял крепкий мороз. Стоим час, другой, офицеры в добротных шубах медленно обходят строй, беседуют с отдельными солдатами. А мы, продрогшие, ждем своей очереди в фуфайках и без перчаток. Мы стали роптать, выражая недовольство медленностью осмотра. Я сказал: «Что за бардак!», и не видел, что сзади стоит офицер. Услышав мои слова, он быстро подошел ко мне, вывел из строя и повел в землянку, где на повышенных тонах, вынув из кобуры пистолет, стал грозить мне, что отдаст под трибунал и расстреляет. У меня сразу перед глазами возникла картина, виданная мною в Московских казармах. Я, безусловно, испугался, стал говорить, что сказал, не подумав. Достаточно промыв мне мозги и насладившись моим унижением, он отпустил меня. Когда я вышел из землянки, смотр закончился, все разошлись по землянкам, я тоже забрел в свою и там узнал, что завтра уходим на фронт.

Спустя некоторое время пришел наш командир роты, который вместе с нами должен был идти на передовую. Вместе с фельдшером поголовно у всех стали мерить температуру. Я взял градусник и, несмотря на то, что держал долго, температура была 35,5. При такой температуре на фронт не брали, но и оставаться в запасном полку мне не хотелось, видеть и терпеть такие унижения, которые выпали на мою душу. Подойдя к командиру, я стал просить взять меня на фронт, Видимо, он сжалился надо мной и зачислил меня в роту, но предварительно заставил написать заявление, что зная, что температура низкая, упадок сил, я добровольно ухожу на фронт и командир ответственности за меня не несет. Я считал, что лучше умереть на фронте, чем умереть от голода. Хотя паек был и лучше, но силы мои убывали. Я не чувствовал, что окреп за эти 10-15 дней, находясь в армии.

Рано утром с карабинами за плечами и руками, засунутыми в рукава (перчаток нам так и не дали), мы двинулись в путь и к вечеру подошли к Ладожскому озеру. Расположились в большом бараке, людей было много. Спустя некоторое время мой сосед принес целый котелок крупы и сидел, набивая ею свой желудок. Я поинтересовался, где он взял крупу и узнал, что через озеро идут машины с продовольствием, солдаты вспарывают крайние мешки, крупа сыплется на дорогу и ее подбирают.

Я тоже пошел искать счастье. Было темно, но щупая дорогу руками, я наткнулся на кучку крупы и также набрал котелок. С котелком крупы я возвратился в барак, но оказалось, что в это время выдавали паек хлеба и мой кто-то взял; так я остался без пайка. Тогда я потребовал лишнюю порцию водки, ибо мы отправлялись на фронт и нам уже выдавали по 100 г водки. Мне налили целую кружку, и с обиды я «дернул» ее. После чего настолько ослабел и меня так развезло, что я свалился на пол и проспал до утра. Проснувшись утром, я увидел, что часть не ушла и мои сослуживцы еще в казарме. Я обрадовался, а то мог бы оказаться и дезертиром.

Утром подошли машины, покрытые брезентом, мы погрузились в них и нас перевезли по Ладожскому озеру на другую сторону. Ехали медленно, было холодно, одеты мы были плохо (в фуфайках, без перчаток). С машин сходить запрещалось, и мы солидно подзамерзли и проголодались.

Построились. Нам объяснили, что кормить нас будут в части, по прибытии, объяснили, какой дорогой идти и куда прийти, и мы, прихватив свои «драгунки», двинулись в путь. Сперва шли что-то вроде строя, затем строй стал растягиваться, и так получилось, что мы брели по дороге уже по одному. Было холодно. Засунув руки в рукава и зацепив карабин, который волочился по земле, я плелся по дороге. Дорога была накатана и заблудиться никто не мог. В стороне от дороги я увидел кухню, солдаты уже покушали и повара приводили все в порядок. Голод погнал меня к ней в надежде хоть чем-то перекусить. Подошел, спросил, нет ли чего покушать. Повар поинтересовался: «Откуда?». - Я: «Из Ленинграда». Это сразу изменило ко мне отношение - я получил большой кусок хлеба и котелок супа с мясом. Повар был пожилой и опытный, он сказал: «Дал бы я тебе, сынок, ещё, но после Ленинграда нельзя много есть сразу». Но я был доволен и этим.

Перекусив и немного отдохнув, я уже бодрее зашагал к месту своего назначения. Вскоре нас встретил регулировщик и указал на землянку, куда надо было идти. Там уже собралось человек десять. Землянка была натоплена, все отдыхали после мороза. Но вскоре оказалось, что мы попали не в свою часть и нам предстоит пройти еще километра три до своей части. Опять в путь.

Но вот, кажется, добрались. Кругом болото, здесь уже землянок не было, люди находились в шалашах, сделанных из ветвей елок. Это была наша родная часть – 80 стрелковая дивизия 54 армии».

Так день за днем, месяц за месяцем мой прадедушка описал всю войну, которую он прошел. Воевал он в России, на Украине, в Польше. Закончил войну в Чехии, не дойдя 60 км до Праги. Виноградов Николай Иванович за мужество и смелость был отмечен многими наградами. За доблесть, проявленную на Курской дуге, он был награжден медалью «За отвагу». За бои в Чехословакии - самым почитаемым офицерским орденом Боевого Красного Знамени.

Мой прадедушка перенес блокадное истощение, цингу, обморожение пальцев рук и ног, был трижды ранен, но каждый раз возвращался в строй.

После войны он стал профессиональным военным: служил в Германии, Средней Азии, Ленинграде. Закончил службу в чине полковника. К сожалению, он прожил короткую жизнь, видимо сказались те переживания и раны, которые он перенес в военные годы. Но мы, его потомки, благодаря его рукописи, семейным альбомам, знаем, любим и помним моего прадеда - Виноградова Николай Ивановича.

Крючкова Александра, ученица 6-А класса ГОУ «Гимназия № 159 «Бестужевская»